

ЛЕНИН В ОКТЯБРЕ

16 октября состоялось расширенное заседание ЦК с ответственными работниками районов, Петербургского комитета, Военной организации ЦК.

На заседании решительный отпор встретило капитулянтство Зиновьева и Каменева, продолжавших выступать против вооруженного восстания. Центральный Комитет принял предложенную Лениным резолюцию, призывавшую «все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра...»...

ЦК стал главным центром восстания. Владимир Ильич выделил из него ядро в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского, отбросив в сторону штрейкбрехеров — Каменева и Зиновьева.

Задачи момента. Быстрыми действиями завершить подготовку к восстанию, разбив этим возможности контрподготовки. Сделать четкими, ясными, понятными всему руководящему составу партии и Военной организации все вопросы восстания. Перевести через них это понимание в самую гущу массы, сцепив таким образом шестеренками весь фронт восстания от Ленина до идущих на восстание колонн, сделать его легко подвижным, по одному заводу действующим механизмом.

С этого дня события стали развиваться подобно нарастающему грозному шквалу.

...Навсегда остался в памяти вечер 17 октября.

После митинга в одном из полков спешу в Смольный.

В комнате много народу. Это ответственное совещание представителей всех районов петроградской организации большевиков и Военной организации при ЦК партии¹. Обсуждается вопрос о вооруженном восстании. Председательствует товарищ Свердлов. Посредине комнаты — небольшой стол, совсем простой, ничем не покрытый.

¹ По воспоминаниям К. Т. Свердловой и О. П. Дзениса, это совещание происходило 18—19 октября. *Ред.*

Напряжение в этот час вечера было сильное, а речи короткие. Район за районом устами своих организаторов говорили о том, что пролетариату их района уже нечего говорить. Ему сейчас надо только действовать. Это был основной голос всех районов. Такой же голос был и у руководителей военных организаций в отношении бывших царских полков, гвардейских полков, в отношении матросов и, самое главное, технических войск, которые составляли большую силу и высокую форму организации в гарнизоне Петроградского военного округа.

Но на этом совещании были и Зиновьев и Каменев, которые пошли против партии, которые уже стали работать на врага и стремились бросить сомнение в ряды тех, кто были едины в то время. Капитулянты напрягали всю энергию, чтобы поколебать ряды тех, кто через несколько дней должен был вывести массы на вооруженное восстание.

Но тщетно...

Проходит один доклад за другим о готовности рабочих и солдат Петрограда к восстанию. Работники районов цифрами и фактами подтверждают: момент назрел...

В качестве председателя Военной организации большевистской партии я докладываю совещанию о Красной гвардии, войсковых частях и флоте.

Свердлов шепчет: «Не открывай всего, в другом месте скажешь». И Сталин настаивает на этом.

Работа Военной организации по подготовке масс к восстанию велась с могучим размахом. Создание Красной гвардии как силы, которая должна сбросить Временное правительство вооруженной рукой, требовало большого напряжения. Партия и Военная организация устраивали митинги ежедневно и по нескольку раз. На них говорилось, что одна Красная гвардия и солдаты не могут победить в восстании. Низвергнуть полугнилые учреждения старого строя может только вся рабочая масса, взявшись за оружие. На Красную гвардию надо смотреть как на подготовительный и основной кадр, который вступит в бой. Вокруг него должен сорганизоваться в бою и для боя весь рабочий класс.

Прежде всего говорю о состоянии Красной гвардии Выборгского района. Она связана крепкими нитями с заводскими и районными партийными организациями большевиков и с фабзавкомами. Называю имена организаторов Красной гвардии. Отмечаю секретарей партячеек и председателей фабзавкомов, которые умеют вовлекать рабочих в дело развертывания Красной гвардии. Эти организаторы Красной гвардии хорошо поработали над претворением в жизнь боевых лозунгов большевистской партии.

Большую помощь Красной гвардии Выборгского района оказывает бывший лейб-гвардии Московский полк, расквартированный в этом районе.

Рассказываю о Красной гвардии Петроградского района, развернувшейся в серьезную силу. Боевое крещение она получи-

ла еще в дни апрельской демонстрации, когда группа царских офицеров бросилась на красногвардейцев, чтобы отнять и разорвать красное знамя. Бросилась — и получила жестокий вооруженный отпор.

Говорю о Московско-Нарвском районе, во главе которого Путиловский завод-гигант, с сорокатысячной армией рабочих. Демонстрацией и стачкой путиловцев началась Февральская революция. Уже 5 марта 1917 года путиловцы вынесли решение не выпускать из рук оружия до полной победы пролетарской революции. Путиловцы создали хорошо дисциплинированную Красную гвардию.

Рапортую о солдатах питерского гарнизона. О славном броневом дивизионе, в котором много бывших петроградских, московских, коломенских рабочих. Старшие из них помнят бои с царским правительством в 1905 году. Это они, не страшась военного суда, вывели две броневые машины к Финляндскому вокзалу в памятный апрельский день приезда Ленина. Задачей партийной организации бронедивизиона является: выбить из рук Временного правительства 17 броневиков, которые были захвачены офицерами Временного правительства для охраны вокзалов, телефонной станции, телеграфа, почтамта, Зимнего и Мариинского дворцов, штаба.

Перехожу к другим частям. Большевики автомобильной роты держат в своих руках все грузовые и военные автомобили. У большевиков автобронемастерских готовы шесть машин, — в нужную минуту они отдадут и машины и себя в распоряжение штаба вооруженного восстания.

Огнеметно-химический и саперный батальоны, 1-й Пулеметный полк и другие разоружены. Но солдаты этих частей рвутся смыть кровью оскорбления, нанесенные разоружением после того, как они в июльские дни потребовали передачи власти Советам.

Коротко рапортую о десяти гвардейских полках. Впереди наиболее распропагандированные Павловский, Гренадерский и Егерские полки, а также Петроградский, Литовский, Волынский, Финляндский и Измайловский полки. В этих гвардейских полках большевики вели огромную пропаганду еще до июльских дней. У измайловцев был К. Е. Ворошилов, поднявший их в февральские дни на восстание.

180-й полк, осадная артиллерия Петропавловской крепости идут за большевиками. Артиллеристы считают делом чести всего гарнизона Петропавловской крепости вычеркнуть из рядов защитников буржуазии кольтовский пулеметный и самокатный батальоны, на верность которых рассчитывает Временное правительство.

Перечисляю войска, которые заградят путь к Петрограду от Пскова, Минска, Могилева, если бы Ставка попыталась прийти на помощь Временному правительству. Гарнизоны, стоящие по Варшавской, Балтийской, Витебской железным дорогам, в Цар-

ском Селе, Гатчине, Луге и др., — все они переизбирают ротные, батальонные комитеты, ставят во главе их большевиков. Ячейки Военной организации большевиков являются единственной руководящей силой этих частей. И все эти части идут только за большевиками, чтобы сбросить власть буржуазии и создать рабоче-крестьянскую власть.

Моряки Кронштадта, Гельсингфорса, артиллеристы и пехота Выборга, латышские стрелки, солдаты армий Северного фронта, закаленные в борьбе с буржуазией в июльские, августовские и сентябрьские дни, в своих газетах «Солдат», «Волна», «Окопная правда» оповестили страну о своей верности знамени Ленина. Моряки и выборгские солдаты отрезали себе путь к отступлению уже тогда, когда в мартовские дни сбрасывали в море и топили генералов и офицеров. Они уверены в успехе восстания, уверены, что их силой будет сломлена буржуазия.

Присутствующие слушают с напряженным вниманием, стараясь не пропустить ни слова.

Кончаю доклад и отхожу в сторону. Начались прения. Среди других выступили Володарский, Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Калинин. «Осталось только найти момент для стратегического нападения» — этими словами М. И. Калинин выразил общее мнение выступавших.

В этот момент ко мне подходит Яков Михайлович Свердлов и шепотом говорит:

— Теперь пойдешь к Ильичу. Он вызывает тебя с отчетом о подготовке.

Свердлов сводит меня с Антоновым-Овсеенко. Ему тоже идти. Кроме нас Ильич вызывает еще Невского. Все трое мы будем отчитываться перед ним о том, как Военная организация партии подготовила массы к восстанию. По соображениям осторожности решаем идти порознь, каждый со своим сопровождающим.

Убедившись в том, что за нами никто не следит, переходим на Выборгскую сторону. Вот на этой улице находится дом, в котором скрывается Ленин. Обходим его, осматриваем каждый уголок, нет ли подозрительных людей. На улице пусто. Входим в ворота. Меня охватывает естественное волнение.

Поднимаемся на второй этаж. Осматриваемся. Стучим, как условлено. Дверь открывается — перед нами незнакомый человек. Владимир Ильич был так загримирован, что я узнал его только по голосу, когда услышал: «Здравствуйте, товарищ Подвойский».

Когда я шел сюда, то тщательно обдумывал, о чем, в какой последовательности буду делать доклад.

Но на самом деле получился не доклад, а простая задушевная беседа. Усадив нас, Владимир Ильич начал с Антонова-Овсеенко, предложив ему высказать свои соображения по поводу восстания. Антонов-Овсеенко сказал, что он не берется уверенно судить о положении в петроградском гарнизоне, но что ему хорошо известно состояние Гельсингфорского и отчасти Кронштадтского

флота. Моряки готовы к выступлению. Они могут переброситься в Петроград по железной дороге, а в крайнем случае и подойти к городу с моря. Войска, стоящие в Финляндии, все распропагандированы и всячески поддержат восстание. Что касается петроградского гарнизона, то он полагает, что после проделанной Военной организацией работы успех восстания обеспечен. Многочисленные митинги, которые в сентябре и октябре провела наша партия, резолюции, единодушно вынесенные на этих митингах, убеждают в этом.

Невский, специально ездивший по поручению Военной организации в Гельсингфорс для выяснения возможности участия флота в восстании непосредственно в водах Петрограда, высказался в том смысле, что флот восстанет — Антонов-Овсеенко прав, — но продвижение флота к Петрограду встретило бы огромнейшие затруднения. После ареста офицеров, который окажется неизбежным в первый же час восстания, на их место станут люди малоопытные, мало знакомые с картой минных полей, вряд ли они смогут провести суда среди минных заграждений. Управление кораблями во время боя, если бы пришлось таковой развернуть под Петроградом, тоже натолкнулось бы на то, что во главе этих кораблей стояли бы матросы, не обладавшие опытом командиров. Невский склонялся к тому, чтобы корабли не трогать, а матросов доставить в Петроград по железной дороге.

Подошел мой черед. Я сказал, что подготовка восстания проводится Военной организацией самым интенсивным образом, что на одном из последних заседаний бюро военных организаций принято решение направить ответственных товарищей на фронт: в 12, 5, 2-ю армии, на Юго-Западный фронт, в Минск, в Брянск и другие места для подготовки наших организаций и на фронте и в провинциальных гарнизонах к восстанию и для выяснения той степени поддержки, которая будет оказана Петрограду войсками других мест. Нам очень важно было указать товарищам, особенно Северного фронта, на то значение, которое должны сыграть 12-я и 5-я армии как заградительная завеса, перерезающая доступ к Пскову со стороны расположенных и подтянутых к подступам этого города (около Мариенбурга) казачьих частей и горской дивизии.

Я указал, что принятому нами решению о связи с действующей армией Военная организация придает серьезное значение, а выполнение его потребует известного срока. Поэтому целесообразно было бы восстание несколько отложить, дней так на десять. Тем более что время явно работает на нас: каждый новый день прибавляет нам сил и, наоборот, с каждым днем из-под ног Временного правительства все более и более ускользает почва. Эти дни мы использовали бы и для ликвидации недоделок в петроградском гарнизоне. Полки, выступившие в июле месяце (Павловский, Гренадерский, Московский, 1-й запасный и др.), частью раскассированы, частью деморализованы и выступят, только поверив

в выступления других частей, а готовность к восстанию частей, бывших ранее реакционными (Преображенский, Семеновский), нуждалась еще в проверке. Я обратил внимание Владимира Ильича также на то обстоятельство, что Керенский может опереться на особые сводные отряды и другие реакционные части с фронта, могущие воспрепятствовать успеху восстания.

Внимание, с каким Ленин слушал мое сообщение о готовности к восстанию, сменилось крайним нетерпением, когда я заговорил об отсрочке.

— Вот именно! — перебивает он меня, — как раз поэтому-то и нельзя откладывать! Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям, обладающим мощным государственным аппаратом, подготовиться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта. Ведь они, несомненно, осведомлены о предстоящем восстании... Готовятся к нему. А за время отсрочки подготовятся еще более. Вот ведь как! Восстание должно произойти до съезда Советов — особенно важно, чтобы съезд, поставленный перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти, сразу же закрепил бы декретами и организацией аппарата власти новый режим...

Предложив мне продолжать, Ленин снова приготовился слушать.

Я перешел к характеристике положения в петроградском гарнизоне и в Красной гвардии. Подробно изложил все то, о чем докладывал сегодня на совещании партийного актива Петрограда и Военной организации. Рассказав о положении в воинских частях, я перешел к Красной гвардии. Указал, что рабочие с каждым днем все настойчивее требуют оружия. Усилился приток в Красную гвардию молодежи.

Особенно обрадовало Ильича то, что военные занятия, проводившиеся ранее тайно, в скрытых местах, вдали от заводов и рабочих кварталов, перенесены теперь на территории предприятий и в манежи соседних войсковых частей. Но потом на лице его выразилось какое-то беспокойство. Владимир Ильич встал со своего места, подошел ко мне, взял меня за руку, подвел к дивану, стоявшему в углу комнаты, и, усадив рядом с собой, спросил:

— Полностью ли вы отвечаете за все сведения, сообщенные мне? Проверены ли они вами?

Я ответил. Руководящие члены Военной организации, в том числе и я, ежедневно бывают в отрядах Красной гвардии и в войсковых частях. Солдаты и офицеры — члены Военной организации, ведущие обучение Красной гвардии, а также руководители большевистских ячеек в войсках сообщают в бюро военных организаций при ЦК партии каждый день сведения о ходе военных занятий и о росте большевистского влияния в среде солдатских масс.

И вот, мне кажется, Владимир Ильич удовлетворен моим докладом. Я и сам доволен, получилось очень хорошо, картина полная,

по всем вопросам даны исчерпывающие сведения — помогло, видать, то, что перед этим была «репетиция».

Но вот Ильич начинает донимать меня уточнением этих сведений. Кто сообщил? Когда сообщил? При каких обстоятельствах? Откуда следует, что на этот завод можно целиком положиться? Когда были перевыборы ротного или батальонного комитета? Кто от завода или полка послан при перевыборах в Петроградский Совет?

Я понимаю, что все эти вопросы «законные», но от неожиданности их меня начинает бросать то в жар, то в холод. А Ильич продолжает «уточнять». Из кого состоит районная дума? А районный Совет? Какая связь со штабом Красной гвардии у такого-то завода? Как связаны между собой заводы, войсковые части? А райком? Он как связан с войсковыми частями своего района? Откуда думает Военная организация получить оружие? Кто и как обучает рабочих стрельбе?

Теперь вопросы Ленина относятся уже к руководителям красногвардейских отрядов и батальонов. Но и от них я себя чувствую не лучше, чем неопытный боксер на ринге...

— Вот вы сказали, что на таком-то заводе хорошая боевая организация, в Красной гвардии триста человек, есть винтовки, есть патроны и даже пулеметы, говорите, есть? А кто там командир, вы знаете его?

— Да, знаю.— И я рассказываю, что мне о нем известно.

— Замечательный, говорите, человек? Голову положит за революцию? А какова его военная квалификация? Сам-то он умеет бить без промаха, хотя бы из револьвера? К пушке подойти сможет, если потребуется? А на автомобиле перевезет что-нибудь необходимое, если придется? Умеет он управлять автомобилем? Ну, а тактику уличных боев знают ваши командиры Красной гвардии?

Оказалось, что ни одного командира с этой стороны я не знаю, Владимир Ильич поднялся, заложил пальцы в жилетные карманы и укоризненно покачал головой:

— Ай-я-яй, вот так председатель Военной организации! Как же вы будете руководить восстанием, если вы не знаете, что представляют собой ваши командиры? Это недостаточно, что они хорошие агитаторы, хорошие пропагандисты, что они хорошо делают доклады, прекрасные организаторы масс. Восстание — это не собрание для выслушивания докладов, восстание — это действие оружием. Там надо действовать, и действовать не только самоотверженно, но и умело, иначе самый малейший промах может стоить жизни красногвардейцев, революционных матросов и солдат. Да что там жизни! Промах может поставить на карту весь исход восстания!

Я увидел, какую громадную ошибку мы допустили. Стало ясно, что петроградская организация большевиков, повернувшая к восстанию гигантские массы рабочих и солдат, очень мало до

сих пор уделяла внимания чисто военным вопросам, а это уж являлось прямой обязанностью Военной организации. Мне в этот момент хотелось только одного: поскорее пойти обратно и, засучив рукава, начать наверстывать упущенное...

Заметив мое смущение, Владимир Ильич старался вывести меня из того неловкого положения, в котором я находился.

— Батенька мой,— сказал он,— восстание — это самый острейший вид войны. Это — великое искусство. Конечно, смелые командиры своим примером, дерзновением и храбростью делают чудеса. Но какой же это командир для вооруженного восстания, если он не умеет стрелять? Следует сейчас же заменить таких командиров другими. Руководители, не знающие тактики уличного боя, погубят восстание. И учтите, пожалуйста, что солдаты солдатами, но больше всего мы в своей борьбе должны рассчитывать на рабочих.

С этого момента я стал смотреть на восстание глазами Владимира Ильича. Теперь мне было ясно, что именно следовало сделать в те несколько дней, которые оставались до восстания. Надо было добиться того, чтобы Красная гвардия стала не только ведущей политической силой, но и ведущей военной силой, определяющей успех восстания.

— А уверены ли вы,— продолжал Владимир Ильич,— что командиры войсковых частей не подведут? Это ведь царские офицеры?

Я сообщил товарищу Ленину, что за четыре месяца вынужденного пребывания в подполье влияние большевиков в войсках выросло необычайно. В войсковых частях остались на своих местах только те командиры, которые признают контроль со стороны солдатских комитетов. Солдатские же комитеты, как я уже сообщал, находятся в большинстве воинских частей под влиянием большевиков. Даже в таком полку, как Семеновский, нам удастся проводить свои решения без особых усилий. Правда, Преображенский полк еще не наш, но мы уверены в том, что и его завоюем. Тут я перечислил тех командиров — главным образом пулеметных полков и некоторой части гвардейских полков, — которые безоговорочно примкнули к нам в последние дни.

— Какая силища у революции! — с особым удовлетворением сказал Владимир Ильич. — Теперь самое главное — это управлять ею так, чтобы победить, а без применения военной науки победить нельзя.

— Важнейшее дело сейчас,— продолжал Ленин,— подобрать ядра самоотверженных рабочих, особенно молодежи, способных пойти на гибель, но не отступить, не сдать позиций. Необходимо заранее составить из них специальные отряды, которые займут телефонную станцию, телеграф и главное — мосты.

Мосты... Рабочие районы Петрограда были связаны между собой и с центром восемью мостами: Литейным, Троицким, Дворцовым, Николаевским, Охтенским, Большим и Малым Сампсониев-

скими, Тучковым. Удержать в своих руках эти мосты было делом насущно необходимым.

После этого Ленин перешел к вопросам вооружения:

— Вы говорите, что рабочие все настойчивее и настойчивее требуют оружия. А где вы его собираетесь раздобыть?

Нашей гордостью — гордостью Военной организации было то, что мы могли в любом полку вычерпать почти все оружие из цейхгаузов, потому что большевистские ячейки в каждом полку, на кораблях, в артиллерии представляли из себя силу. Только казаков мы еще не сумели распропагандировать. А во всех остальных частях округа и в ближайшей прифронтовой полосе у нас было такое положение, что оружие мы могли достать в любом количестве.

Но когда я об этом сказал Владимиру Ильичу, лицо его почему-то выразило не радость, не удовлетворение, а какое-то недоумение — что, мол, это он говорит?

— Позвольте... Чем больше мы выкачаем оружия у солдат, тем меньше им останется. Так ведь? — замечает Владимир Ильич.

...Да, над этим я как-то не подумал...

— Не годится! Надо теснее связаться с арсеналами и складами боеприпасов, — продолжает В. И. Ленин. — Там ведь тоже рабочие и солдаты. Разработайте такой план и обеспечьте так дело, чтобы мы могли взять оружие из самих складов непосредственно перед тем, как оно потребуется. Сестрорецкий завод — это хорошо, но этого мало. Уверен, что, если вы поможете большевикам Петропавловского арсенала, Нового арсенала на Литейном и Старого на Выборгской стороне развернуться по-настоящему, они в нужный момент откроют склады для раздачи оружия рабочим, так ведь?

Я никогда раньше, несмотря на свой опыт 1905 года, не представлял себе, насколько вооруженное восстание органически связано с вооружением самых широких слоев рабочего класса. Не представлял себе также, что высочайший революционный подъем масс далеко еще не обеспечивает победы. Она может быть достигнута только искусным руководством. Лишь изумительный хозяйский подход Владимира Ильича к вооруженному восстанию, к массам, руководителям, оружию обеспечивал всеобщее участие в восстании рабочих и солдат и гарантировал необходимый успех его.

Стали говорить о Военно-революционном комитете как об органе, который должен руководить восстанием. Военная организация при ЦК партии большевиков благодаря своему большому влиянию на массы уже начала играть исключительную роль в только что созданном Петроградском Советом органе вооруженного восстания. Она мало считалась с представителями других организаций, которые входили в Военно-революционный комитет. А их было много, и нам такая структура оперативного органа представлялась громоздкой.

Товарищ Ленин спросил меня, как я мыслю себе работу Военно-революционного комитета.

Я ответил: «Военно-революционный комитет, по существу, является расширенным бюро военных организаций при Центральном Комитете нашей партии».

— Вот это и неправильно! — сказал Владимир Ильич, — ни в коем случае не бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активности каждый член Военно-революционного комитета, тем сильнее и действительнее будет влияние всего комитета на массы. Ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете. Главная задача Военной организации в том, чтобы комитет не уклонился от правильной большевистской позиции. Основное — победа восстания. Этой — и только этой — цели должен служить Военно-революционный комитет.

При этом Ленин указал и на ту форму, которая должна была придать работе Военно-революционного комитета массовый характер: ежедневно созывайте гарнизонные совещания из представителей всех частей Петрограда. Действуйте через них.

В конце беседы я обратился к Владимиру Ильичу с вопросом: «Не целесообразно ли предварительно заготовить в миллионах экземпляров декреты: о земле, о мире, о рабочем контроле над производством и об организации Советской Республики?»

Владимир Ильич взглянул на меня и захохотал:

— Вот вы куда хватили! Сперва надо победить, а потом уже печатать декреты.

Простились мы трогательно. Было уже далеко за полночь. Словно на крыльях несея я обратно. В голове как молотом стучали ленинские слова: «Массы налицо. Наладить военное руководство ими. Дать им в руки возможно больше оружия — вот что надо».

В эту же ночь был поставлен на ноги весь актив Военной организации. Все, как один, немедленно приступили к проведению в жизнь указаний товарища Ленина...

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 276—286